

УДК 332:39

А. П. КОШКИН,

доктор политических наук, профессор,

В. В. ЧЕРДАНЦЕВ,

кандидат филологических наук, доцент

Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова, г. Москва, Россия

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТОЛОГИИ

Цель: определение соотношения этнической и национальной политики в российской этнополитологии в свете системного кризиса в Украине.

Методы: необходимость исследования понятийного аппарата отечественной этнополитологии и его адекватности современной российской политике при анализе украинского вопроса, стремление показать направление развития этнополитической ситуации в Украине от первого ко второму Майдану обусловили использование историко-генетического, сравнительно-исторического и типологического методов исследования в их взаимосвязи.

Результаты: показана действенность двухуровневой модели процессов межэтнического взаимодействия: примордиальные в своей основе факторы этнической идентичности подвергаются направленному воздействию сконструированной этничности, стремящейся привести этнос в состояние политической мобилизованности и в связи с этим изменить его исходные характеристики. За десять лет от первого до второго киевского Майдана формирование украинской национальной идентичности как антирусской и антироссийской вступило в качественно новую фазу. Обретение системного единства этнической и национальной политики России призвано содействовать адекватному ответу на этот вызов.

Научная новизна: в статье раскрывается несостоятельность одностороннего доминирования постмодернистского подхода к этносу и этничности и утверждается необходимость оптимального сочетания примордиальной основы этноса с конструктивистской тактической гибкостью при решении конкретных этнополитических проблем в ситуации украинского кризиса.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при исследовании этноса и этничности, при анализе этнополитических процессов в современной Украине и рассмотрении состояния и перспектив развития российско-украинских отношений.

Ключевые слова: этнополитология; примордиализм; конструктивизм; этническая политика; национальная политика; этнос; народ; этнонация; политическая нация; украинизация.

Введение

В 2014 г. в России появился афоризм: «Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты». Впервые со времени распада СССР произошло изменение государственных границ России (да и на всем постсоветском пространстве) и в состав нашей страны вернулись в качестве двух субъектов федерации Крым и Севастополь. Ни для кого не секрет, что русская весна на Украине, ставшая закономерным ответом на совершенный в Киеве второй «оранжевый» переворот, на этот раз с явным и пугающим «коричневым» оттенком, проходила под пророссийскими лозунгами. И подавленный (пока) в Харькове и Одессе протест, и продолжающееся сопротивление народных республик Донбасса – явное подтверждение тупиковости пути современной украинской государственности, стремящейся силовым путем завершить формирование новой украинской национальной идентичности, создание этноцентричного пространства антирусской и антироссийской на-

правленности. В. Лапкин и В. Пантин подчеркивают: «важным аспектом кризиса (в Украине – прим. авт.) является сознательная подмена идеологами и вождями новой украинской власти целей современного национального строительства, когда модели гражданской и политической наций отбрасываются, и под нацией понимается лишь этническая общность, а политикой национального строительства становится нечто похожее на нацизм» [1, с. 79].

В настоящее время еще более остро стоит вопрос столь актуальный с начала 90-х гг. XX в.: может ли отечественная этнополитология, всецело опираясь на противостоящий примордиализму конструктивистский подход, фетишизировать существующие государственные границы? Укреплять РФ в ныне существующих границах – безусловно, долг каждого гражданина современной России. Но является ли это самоцелью в этнополитологии, особенно после воссоединения с Крымом? Ведь «включение в состав

России Крыма и Севастополя после всенародного референдума 16 марта 2014 г. – лишь начало длительного и сложного пути нашей страны, которая выходит из исторического небытия, вызванного развалом Советского Союза» [2, с. 12].

В свете этих судьбоносных событий, по меньшей мере, сомнительно выглядят попытки категорично разграничить этнос и нацию, этническую политику и национальную политику, что явствует, в частности, из заявления М. Фадейчевой: «*Этническая политика* – это деятельность государства в сфере отношений между различными народами, проживающими в данном государстве, направленная на установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества народов... Этническая политика – одно из направлений внутренней политики... Тогда как *национальная политика* – это внешнеполитическая деятельность, это деятельность государства в сфере межгосударственных отношений, направленная на защиту национальных, т. е. общегосударственных интересов» [3, с. 269].

Результаты исследования

Категоричное разграничение этноса как сферы внутренней политики и нации как сферы внешней политики означает, что мы признаем *различную этническую принадлежность* русских и татар (второго по численности этноса в России) – граждан РФ, с одной стороны, вновь образованных границ, и, соответственно, более 20 млн русских и более 1 млн татар, а также сотен тысяч башкир, марийцев, мордвы, удмуртов – граждан стран ближнего зарубежья. И проблемы разделенных народов больше не существуют! А поскольку *народом* любой этнос делают не только и не столько антропологические особенности и общность происхождения, а признание и отстаивание общей исторической судьбы и единой культуры, основанной на определенной системе ценностей, то и обойтись без термина «этнонация» как этнокультурная нация вряд ли возможно. Это, действительно, высшая степень этнической общности, так как она включает в себя осознанный *выбор* системы ценностей, определяющей образ жизни и особенности поведения народа.

Даже в том случае, когда речь идет об этнически близких и родственных народах, например, русских и украинцах, вполне допустима добровольная, естественная ассимиляция, но не насильственная русификация или украинизация. Та самая украинизация, которая в «постмайданной» Украине стала официальной идеологией и основным направлением

государственной политики. Чем больше различие этнических культур, тем меньше шансов у естественной ассимиляции и тем большим насилием будет стремление политического руководства возвысить один этнос над другим (другими). Но и по отношению к близкородственным народам насильственная ассимиляция может привести к кровавым эксцессам, как в развязанной киевским режимом в 2014 г. гражданской войне на Донбассе.

Что в настоящее время так категорично разделяет сторонников русского и украинского (как антирусского) выбора в Украине? Происхождение? Нет. Трудно сказать, кто преобладает на стороне ополченцев Донбасса: русские, украинцы, «русские украинцы» (украинцы, считающие себя частью русского мира) либо «украинские русские» (русские, выступающие за Украину как общий дом с равными правами украинского, русского и других народов – этнических общностей). На стороне нынешнего официального Киева, как известно, немало людей с русскими этническими корнями.

Язык? Тоже нет. Ряд руководителей современной Украины общаются только на русском даже на официальном уровне (А. Аваков, Д. Коломойский и пр.)

Общность культуры? Вряд ли. Данное понятие выглядит достаточно аморфно, по крайней мере, пока.

Общность веры, религиозной принадлежности? Только в некоторой степени. Действительно, со стороны защитников Донбасса нет прихожан Украинской православной церкви (далее – УПЦ) самопровозглашенного Киевского патриархата. Но среди паствы УПЦ Московского патриархата немало участников «антитеррористических операций», т. е. приверженцы основной общности православных Украины находятся по обе стороны баррикад.

Общность осознания исторической судьбы стала главным этнодифференцирующим фактором. Героизация С. Бандеры и ему подобных «деятелей» обесмысливает весь исторический путь, совместно и достойно пройденный нами в Российской империи и СССР. Именно здесь главная разделительная линия современных последователей укрофашистов и их пособников, с одной стороны, и наследников Великой Победы – с другой. И компромисс тут невозможен.

Разрушение нашей общей исторической памяти шло в Украине все минувшие со времени «парада суверенитетов» годы. Как отмечал сотрудник Института стран СНГ К. Фролов еще в статье 1998 г. «Провинциальная схоластика. Украинская историография против истории»: «Печальной памяти «Краткий курс» трансформировался в целую школу

псевдоисторической беллетристики, не стесняющейся никаких подтасовок в зависимости от политического заказа. Особенную остроту эта проблема приобрела на Украине. Глава украинского отделения Фонда Сороса г-н Гаврилишин в интервью киевской газете «Зеркало недели» с гордостью заявил, что ими выпущены десятки наименований учебников по истории Украины «антиколониальной» направленности. В некоторых из них авторы насчитали, например, четыре русско-украинских войны (!)» [4, с. 4]. Если в России «птенцы Сороса» в 2000-е гг. были лишены возможности определять образовательные программы, то в Украине они всю продолжали формировать новую идентичность, взяв себе в союзники сторонников – бандеровцев из украинских диаспор в Северной Америке и местных национал-радикалов.

Как подчеркивал в одном из первых, датированном 1997 г., исследований формирования национальной идентичности новых постсоветских государств А. Здравомыслов: «... История не зафиксировала противостояний русских и украинцев как целостных народов: почва для антирусского национализма на Украине всегда была гораздо беднее, чем почва для прямо противоположных настроений, равно как и почва для антиукраинского национализма среди русских. Для того чтобы взрастить на этой тощей почве семена вражды, потребовались бы исключительная безответственность и глупость политиков как с той, так и с другой стороны» [5, с. 174].

За прошедшие с той поры годы хватало, увы, и безответственности, и глупости, и алчности, и связанной с ней политической близорукости, и апатии, и инерции мышления, и надежды («авось пронесет»), или упования («куда они (украинцы) от нас денутся»). И все же главную роль в разрушении нашего общего пространства исторической памяти, цементирующей народ внутри себя и близкие народы между собой в единое целое, сыграла целенаправленная деятельность США и Запада по подрыву общерусской идентичности через так называемую «мягкую силу», а также через направленное воздействие явных и тайных государственных структур. Разрушительная деятельность, увы, почти не встречавшая организованного противодействия с российской стороны.

Тем более обидно, что не было никакой фатальной предопределенности подобного развития событий. Ведь уже в период независимого развития Украина в гораздо большей степени продолжала идти курсом, параллельным России, чем это признавалось официально. Как отмечал в 2001 г. Г. Симон, заместитель директора Федерального института восточноевро-

пейских исследований (Германия): «Возникла парадоксальная ситуация. Украина достигла собственной государственности, которая все больше признается в том числе и в России, но вместе с тем эта страна почти не отличается от России в плане политического, общественного и экономического развития. Для объяснения этого факта недостаточно ссылки на общее происхождение из Советского Союза. Ведь Эстония, Латвия или Грузия на протяжении столетий тоже входили в состав Российской империи, а впоследствии СССР. Тем не менее их внутривнутриполитическое развитие в посткоммунистический период значительно отличается от российского. Однако складывается впечатление, что в процессе так называемой трансформации происходит все большее сближение политического порядка и экономических отношений в России и в Украине. Схожесть внутривнутриполитического развития в России и в Украине в посткоммунистический период впечатляет и вместе с тем озадачивает. Она резко противоречит постоянному подчеркиванию независимости Украины и самобытности России. В настоящее время внутри обоих государств возникает все больше параллельных структур» [6, с. 123].

Патриарх украинской политики и первый Президент Украины Л. Кравчук в ознаменование 20-летия независимости в 2011 г. подчеркивал: «Единой украинской нации не существует. Иначе бы в обществе не дискутировались вопросы языка, территориальной целостности и не ставились бы под сомнение культурные ценности украинцев» [7, с. 52].

Парадоксальность сложившейся ситуации в том, что преобладающая этническая близость и комплементарность русских и украинцев не претерпела глубокой эрозии с развалом союзного государства, и для политического дистанцирования от Москвы украинскому руководству приходилось прилагать большие усилия. На этот феномен, определяющий состояние российско-украинских отношений в постсоветский период, обращал внимание А. Окара: «Большинство украинских «национально-сознательных» деятелей и прошлого, и настоящего (литераторов, гуманитарных интеллектуалов, политических активистов) исходят обычно из примордиалистского понимания собственной нации (отсюда их тезис о существовании Украины и праукраинцев чуть ли не в современном виде и тысячу, и десять, и двадцать тысяч лет назад...). Вместе с тем подобные деятели – активная часть национально просвещенной интеллигенции – сами фактически являются *живым подтверждением конструктивистских теорий нации*, поскольку их культурно-просветительские занятия ... сводятся, прежде

всего, к попыткам убедить менее сознательных членов украинского общества в том, что их задача стать носителями культуры и языка своей национальности. *Специфика современного украинского национализма, когда примордиалистская концепция нации становится орудием модернистского нациестроительства и консолидации «воображаемого сообщества», подтверждает довольно широко распространенное среди этнологов представление, что нациогенез и этногенез украинцев (особенно восточных) не завершены и борьба за их души и национальное самосознание продолжается.* (выделено авт.) [8, с. 181]. Может показаться удивительным, но это текст того А. Окары, который в настоящее время вместе с другим частым гостем ведущих российских телеканалов, директором киевского Института национальных стратегий В. Карасевым, является одним из идейных руководителей «свидомитов» («свидомых», истинных украинцев), выступает за скорейшее формирование фундаментально отличной от российской украинской нации и представляет наиболее радикальное крыло тех, кто допускает сохранение контактов с Москвой лишь для «разоблачения» российской позиции.

Здесь мы также видим подтверждение действительности «синтетической», двухуровневой концепции нациогенеза, когда примордиальные факторы составляют естественно-историческую основу этничности (а не просто «строительный материал», с которым можно производить все что угодно, создавать любые конфигурации); но эта основа не проявляет себя автоматически, спонтанно, а реализуется, воплощается в ходе конкретного этнополитического процесса, большую роль в котором играют субъективные факторы, в том числе сложившееся соотношение сил и возможностей, представляющее разнонаправленные интересы тех или иных «этнических предпринимателей» да и самих этнических общностей.

Утраченные возможности русско-украинского и российско-украинского сближения – одно из проявлений кризисного состояния общерусской идентичности в современности, выход из которого наметился в уходящем 2014 г. – после тяжелейшего поражения русского мира со времени распада СССР и последовавшего в тяжелейших условиях *ответа* на вызов со стороны США и их сателлитов на Западе.

Отечественная этнополитология должна осознать свою ответственность перед государством и народом не только за межнациональные отношения в самой России – межэтническое взаимодействие народов нашей огромной страны, но и за судьбу наших соотечественников в «ближнем зарубежье».

Поэтому следует четко заявить: категоричное разграничение этноса как сферы внутренней политики и нации как сферы внешней политики совершенно недопустимо. В противном случае четверть населения современной Украины, идентифицирующие себя как русские (около 10 млн человек), обречены стать украинцами (читай – русофобами) в трактовке нынешних киевских властей, невзирая на волеизъявление этой части народа.

Следует отметить, что бандеровская идеология образца 2014 г. пока что является укрофашизмом, но не нацизмом. Нацизм настаивает на этнической сегрегации и расовой чистоте; фашизм выступает за сплочение вокруг господствующей национал-радикальной идеологии разнородных этнических элементов. Однако это – слабое утешение: фашизм при благоприятных условиях может быстро трансформироваться в нацизм. И кампания шельмования «ватников» и «колорадов» как недолудей – наиболее яркое подтверждение тому, что данный процесс набирает обороты. Нам уже не отсидеться в стороне. Этнополитологическое проектирование при уповании на всемогущество государственных границ – очень слабый и, главное, ложный инструмент и для государства, и для народа российского.

Передать термин «нация» в сферу межгосударственных отношений – значит, признать столь глубокую обоснованность проведенных при И. В. Сталине и несколько подкорректированных при Н. С. Хрущеве границ между союзными республиками, что они не просто сохраняют, а резко увеличивают свою политическую и юридическую значимость уже как границы между суверенными государствами. Разделяя национальное и этническое государственными границами, мы своими руками делаем то, что отказались делать немцы ФРГ периода «холодной войны» по отношению к немцам ГДР, несмотря на давление извне и многократные обвинения в «реваншизме» не только с Востока – и добились-таки воссоединения Германии.

Следует помнить, что в марксистско-ленинской доктрине социально-экономические факторы как «базисные» доминировали над этнокультурными, «надстроечными». Этнические различия считались все менее значимыми по мере успехов социалистического строительства, и щедро нарезанные этнополитические границы внутри советской империи подлежали постепенному стиранию (в теории). Новая историческая общность – советский народ – должен был в процессе своего развития привести эти границы к состоянию атавизма. Как подчеркивает В. Ачкасов: «Советская политика состояла в умышленном смешении рус-

ской и советской идентичностей для закрепления в сознании русских граждан представления о том, что «их адрес не РСФСР, их адрес Советский Союз»... Советский Союз рассматривался жителями и народами РСФСР в качестве своей большой Родины» [9, с. 196–197].

С развалом СССР русские стали самым большим разделенным народом (этнокультурной нацией) современности. Отрекаясь от них, отрекаемся от самих себя, от права даже называться исторической Россией – преемницей Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Союза ССР.

Признавая «естественным» существующее положение вещей, мы разрываем эту магистральную линию исторической преемственности. Возвратив бело-сине-красный флаг империи, «забыли», что он символизировал прежде всего неразрывное единство Белой, Малой и Великой Руси – основу российской государственности в течение нескольких веков.

Следует четко формулировать главные вопросы *российской* этнополитологии (ведь «российский» хоть и не сводится к «русскому», но неразрывно связан с ним). Первый из них относится к формированию общероссийской гражданской (политической) нации, что не должно происходить за счет стирания этнической идентичности государствообразующего народа. В противном случае мы подтверждаем, что сталинские административные границы, ставшие в одночасье государственными, сделали русских как этнос более близкими к карачаевцам и чукчам, проживающим в подавляющем большинстве на территории РФ и являющимися ее гражданами, чем к белорусам и украинцам, подавляющее большинство которых является гражданами соответствующих государств. Сохранение этнокультурного своеобразия важно не только для малых народов России, но и для самого русского народа.

Второй вопрос особенно актуализировался в связи с государственным переворотом на Украине. Сохранение этнического потенциала государствообразующего народа должно быть обращено к утверждению возможностей самореализации других народов нашей страны. Здесь нет антагонизма, напротив. Общность исторической судьбы в прошлом определяет судьбоносный политический выбор в настоящем, и в силу этого, ни в коей мере не разрывая корневую систему своего этноса, народы России могут и должны выстраивать свою общую идентичность, имеющую цивилизационный характер. Становиться в один ряд с той частью украинского народа, которая при всей близости к русским по этническому происхождению

оказалась инфицированной бандеровщиной – значит, разрывать общность исторической судьбы и предавать как русский народ, так и российскую общегражданскую нацию. Черкес Т. Шаов с его искренней болью за судьбу русского мира стал его органической частью – через общность гражданского сознания, исторической судьбы страны и общность культуры. Русский по происхождению Вадим Карасев как один из идеологических апологетов бандеровцев по отношению к русскому миру стал коллаборационистом.

Противопоставлять национальное и этническое никоим образом нельзя. Как отмечал Р. Абдулатипов: «... Поспешные объявления «гражданской» или «политической нации» вместо этнонаций... приводят к оправданию усилий эстонских, латышских, литовских и иных новых «гражданских наций» в смысле создания этнократического государства только для своей нации (в смысле – автохтонного этноса – прим. авт.) при насильственном включении иных национальностей в состав этой же «политической нации» [10, с. 27]. Подобная насильственная ассимиляция только при экстремальном характере политических процессов и гражданской войне на востоке страны характерна для современной Украины.

Выводы

Упование на «незыблемость» существующих государственных границ – иллюзия. Если один раз де-факто, а затем и де-юре административные границы уже стали государственными (распад СССР), и это едва не произошло снова через несколько лет в локальном масштабе на Северном Кавказе (см. так называемые «Хасавюртские соглашения» 1996 г.) – никто не может дать гарантий *неповторения* подобного. Кроме нас самих. Нет сомнения в том, что так называемое «мировое» (фактически – американоцентричное) сообщество западных государств вслед за требуемым «возвращением Крыма» предъявило бы все новые и новые требования – на что и обратил особое внимание в своем обращении к Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. В. Путин. И вслед за обвинениями нашей страны в попрании принципа нерушимости государственных границ стало бы с удвоенной и утроенной энергией готовить нам московский майдан.

Изменение общественного сознания современной Украины вступает в резонансное взаимодействие с позицией руководства страны и представляет собой самый серьезный вызов единству русского мира. Обретение системного единства этнической и национальной политики России призвано содействовать адекватному ответу на этот вызов.

Список литературы

1. Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. 2014. № 5. С. 68–89.
2. Цатурян С.А., Джавлах К.С. Украина 2014 г.: техника и предварительные итоги государственного переворота // Международное публичное и частное право. 2014. № 5 (80). С. 11–15.
3. Фадейчева М.А. Университетская этнополитология: содержание и статус // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах. Екатеринбург, 2005. 294 с.
4. Фролов К.Н. Провинциальная схоластика. Украинская историография против истории // Независимая газета. 1998. 30 июля.

5. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект пресс, 1997. 286 с.
6. Симон Г. Россия и Украина через десять лет после краха коммунистического режима: сходство и различия // Полис. 2000. № 6. С. 122.
7. Вендина О.И. Украина в политическом кризисе. Образ России как катализатор противоречий // Полис. 2014. № 5. С. 50–67.
8. Окара А. «Украинский вопрос» и поиски ответа на него // Полис. 2001. № 4. С. 180.
9. Ачкасов В.А. Этнополитология: учебник. М.: Юрайт, 2014. 495 с.
10. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2004. 313 с.

В редакцию материал поступил 29.12.14

© Кошкин А. П., Черданцев В. В., 2015

Информация об авторах

Кошкин Андрей Петрович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова
Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, 36, тел.: (499) 237-95-15
E-mail: 160957@mail.ru

Черданцев Валерий Вениаминович, кандидат филологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова
Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, 36, тел.: (499) 237-95-15
E-mail: vvcher62@mail.ru

Как цитировать статью: Кошкин А.П., Черданцев В.В. Украинский вопрос в контексте современной российской этнополитологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 32–38.

A. P. KOSHKIN,

Doctor of Politics, Professor,

V. V. CHERDANTSEV,

PhD (Philology), Associate Professor

Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

UKRAINIAN PROBLEM IN THE CONTEXT OF THE MODERN RUSSIAN ETHNIC POLICY

Objective: to define the balance between ethnic and national policy in the Russian ethnic policy under the systemic crisis in Ukraine.

Methods: the need to research the conceptual apparatus of the Russian ethnic politology and its adequacy to the modern Russian policy when analyzing the Ukrainian problem, the tendency to show the trend of development of ethnic political situation in Ukraine from the first to the second Maidan, determined the implementation of historical-genetic, comparative-historical and typological methods in their interaction.

Results: the efficiency of the two-level model of the processes of interethnic interaction was shown: basically primordial factors of ethnal identity are exposed to the directed influence of constructed ethnicity, leading the ethnos to the political mobilization and changing its primary characteristics. During the decade from the first and second Maidans, the forming of national Ukrainian identity as anti-Russian one entered the new phase. Obtaining the systemic unity of ethnic and national policy of Russia is intended to promote the adequate response to this challenge.

Scientific novelty: the article reveals the inconsistency of unilateral domination of post-modern approach to the ethnos and ethnicity. It states the necessity of the optimal combination of primordial basis of the ethnos and the constructivist tactical flexibility when solving the certain ethnic political problems under the Ukrainian crisis.

Practical value: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and educational activity, when researching the ethnos and ethnicity, when analyzing the ethnic political processes in the modern Ukraine and viewing the condition and prospects of development of Russian-Ukrainian relations.

Key words: ethnic politology; primordialism; constructivism; ethnic policy; ethnos; people; ethnic nation; political nation; ukrainization.

References

1. Lapkin, V.V., Pantin, V.I. Krizis ukrainskoi gosudarstvennosti: politiko-pravovoi, tsennostnyi i geoekonomicheskii aspekty (Crisis of the Ukrainian statehood: political-legal, value and geo-economical aspects). *Polis*, 2014, no. 5, pp. 68–89.
2. Tsaturyan, S.A., Dzhavlahk, K.S. Ukraina 2014 g.: tekhnika i predvaritel'nye itogi gosudarstvennogo perevorota (Ukraine 2014: technique and preliminary results of coup d'état). *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2014, no. 5 (80), pp. 11–15.
3. Fadeicheva, M.A. Universitetskaya etnopolitologiya: sodержanie i status (University ethnic politology: content and status). *Politicheskaya nauka i politicheskie protsessy v Rossiiskoi federatsii i novykh nezavisimyykh gosudarstvakh*. Ekaterinburg, 2005, 294 p.
4. Frolov, K.N. Provintsial'naya skholastika. Ukrainskaya istoriografiya protiv istorii (Provincial scholastics. Ukrainian historiography against history). *Nezavisimaya gazeta*, 1998, 30 iyulya.
5. Zdravomyslov, A.G. *Mezhnatsional'nye konflikty na postsovetskom prostranstve* (Inter-racial conflicts in the post-Soviet territory). Moscow: Aspekt press, 1997, 286 p.
6. Simon, G. Rossiya i Ukraina cherez desyat' let posle krakha kommunisticheskogo rezhima: skhodstvo i razlichiya (Russia and Ukraine ten years after the fall of Communist regime: similarities and differences). *Polis*, 2000, no. 6, pp. 122.
7. Vendina, O.I. Ukraina v politicheskom krizise. Obraz Rossii kak katalizator protivorechii (Ukraine in political crisis. Image of Russia as a catalyst of contradictions). *Polis*, 2014, no. 5, pp. 50–67.
8. Okara, A. «Ukrainskii vopros» i poiski otveta na nego (“Ukrainian issue” and search for the solution). *Polis*, 2001, no. 4, pp. 180.
9. Achkasov, V.A. *Etnopolitologiya: uchebnik* (Ethnic politology: textbook). Moscow, Yurait, 2014, 495 p.
10. Abdulatipov, R.G. *Etnopolitologiya: ucheb. posobie* (Ethnic politology: tutorial). Saint-Petersburg: Piter, 2004, 313 p.

Received 29.12.14

Information about the authors

Koshkin Andrey Petrovich, Doctor of Politology, Professor, Head of the Chair of Politology and Sociology, Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov

Address: 36 Stremyanniy pereulok, 117997, Moscow, tel.: (499) 237-95-15

E-mail: 160957@mail.ru

Cherdantsev Valeriy Veniaminovich, PhD (Philology), Associate Professor of the Chair of Politology and Sociology, Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov

Address: 36 Stremyanniy pereulok, 117997, Moscow, tel.: (499) 237-95-15

E-mail: vvcher62@mail.ru

How to cite the article: Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. Ukrainian problem in the context of the modern Russian ethnic politology. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 1 (33), pp. 32–38.

© Koshkin A.P., Cherdantsev V.V., 2015